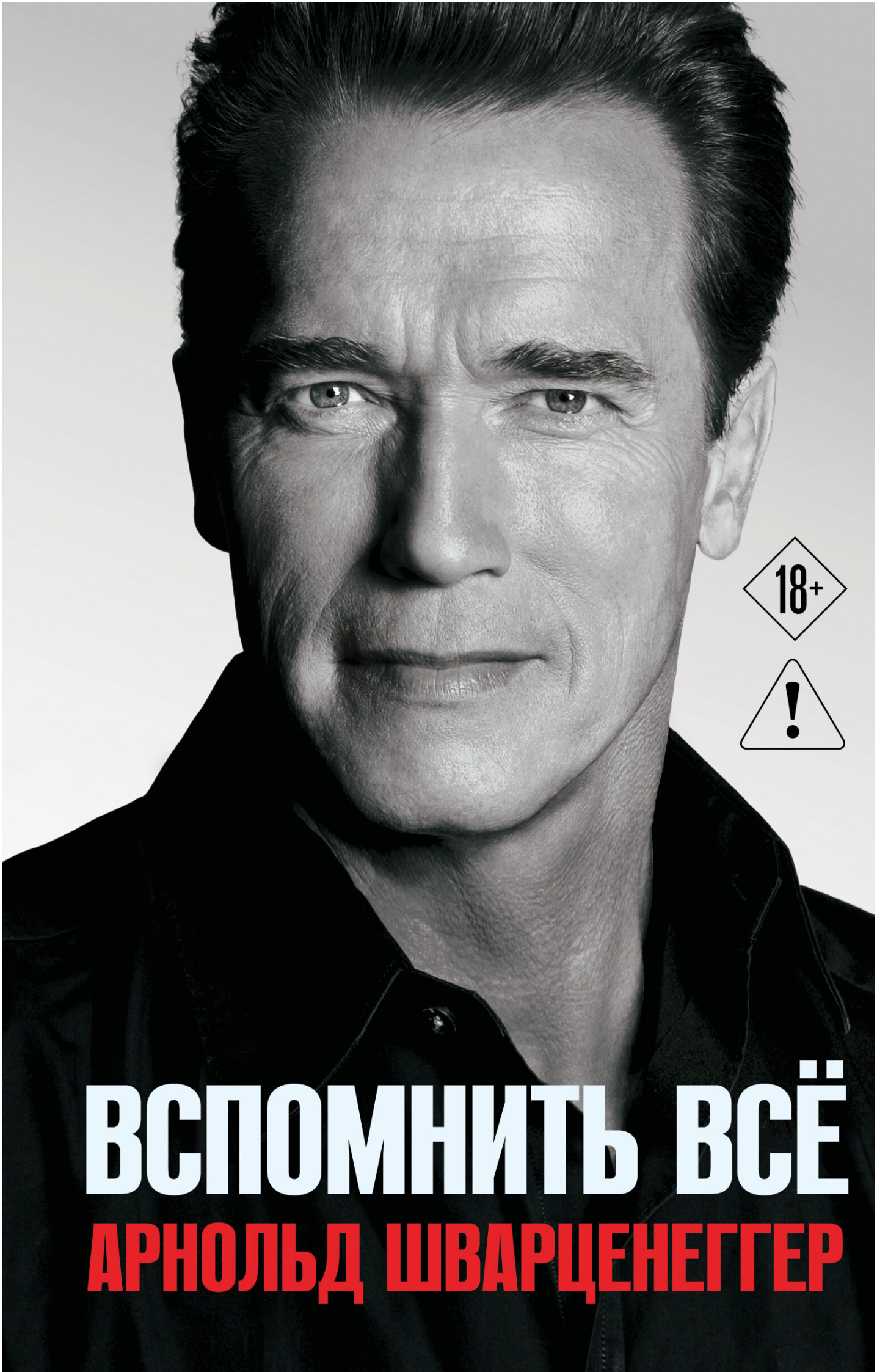

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

АРНОЛЬД ШВАРЦЕНЕГГЕР

Автобиография-бестселлер

Арнольд Шварценеггер

Арнольд Шварценеггер. Вспомнить всё

«Эксмо»

2012

УДК 791.44.071.2(73)
ББК 85.373(3)-8

Шварценеггер А.

Арнольд Шварценеггер. Вспомнить всё / А. Шварценеггер — «Эксмо», 2012 — (Автобиография-бестселлер)

ISBN 978-5-04-257057-5

ПРОДАНО БОЛЕЕ 1 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПО ВСЕМУ МИРУ.
Автобиография Арнольда Шварценеггера — бодибилдера, актера и политика, ставшего мировой легендой — в обновленном переводе.
Арнольд Шварценеггер родился в маленьком австрийском городке в семье полицейского и с детства мечтал о том, что казалось невозможным: стать чемпионом по бодибилдингу и однажды переехать в Америку. В двадцать один год он уже жил в Лос-Анджелесе и носил титул «Мистер Вселенная». За пять лет он выучил английский язык и стал величайшим бодибилдером своего поколения. За десять лет получил университетское образование и заработал миллионы как спортсмен и бизнесмен. За двадцать лет вошел в число самых известных кинозвезд мира и навсегда изменил жанр боевика. А спустя тридцать шесть лет после приезда в Америку занял пост губернатора Калифорнии — региона с одной из крупнейших экономик мира. В этой книге Шварценеггер впервые подробно рассказывает о своей жизни — от тяжелого детства в послевоенной Австрии до Голливуда и большой политики. О тренировках, которые сделали его легендой спорта. О съемках «Терминатора», «Хищника» и «Вспомнить всё». О дружбе, соперничестве, семье, успехах, ошибках и кризисах, через которые ему пришлось пройти. «Вспомнить всё» — история человека, которому удалось прожить сразу несколько жизней в одной. «Это история человека, который всю жизнь ставил перед собой невозможные цели и раз за разом добивался их. Шварценеггер рассказывает о дисциплине, амбициях, конкуренции, победах и правилах, которые помогли ему пройти путь от провинциального австрийского подростка до мировой легенды». — The New York Times

УДК 791.44.071.2(73)

ББК 85.373(3)-8

ISBN 978-5-04-257057-5

© Шварценеггер А., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Арнольд Шварценеггер
Арнольд Шварценеггер. Вспомнить все

© 2012 by Fitness Publications, Inc.
© Саксин С., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026
Дизайн обложки: Jason Heuer

Копирайты к фотоматериалам, использованным в книге: Art Zeller; Scwarzenegger Archive; Stefan Amsuss; Albert Busek; Rolf Hayo/Raba Press; Jimmy Caruso/Courtesy of Weider Health and Fitness; George Butler/Contact Press Images © 1975; Michael Ochs Archives/Getty Images; Fred W. McDarrah/Getty Images; Ron Gadella/Getty Images; Neal Nordlinger; Michal Ochs Archives/Getty Images; Frank Edwards/Getty Images; Courtesy of MGM Licensing; Keystone/Getty Images; © The Villain Company. All rights reserved.; Courtesy of Universal Studios Licensing, LLC; Michael Monfort/interTOPICS; Courtesy of MGM Media Licensing; Official White House photo; Art Waldinger/Tru-Dimension Co.; John T. Kruse; StudioCanal; The Nixon Foundation; Dave Benett/Getty Images; © 1987 Twentieth Century Fox. All rights reserved.; ©1993 Columbia Pictures Industries, Inc. All rights reserved.; ©1994 Twentieth Century Fox. All rights reserved.; Herb Ritts/trunkarchive.com; Christian Jauschowets; Frazer Harrison/Getty Images; FDNY Photo Unit; Robert Zuckerman; Frank Masi/Millenium Films; Courtesy of Lionsgate; Douglas Kent Hall; Fototom.at; Denis Reggie; Mary Anne Fackelman-Miner; Cindy Gold; Ron Murray; David McNew/Getty Images; Justin Sullivan/Getty Images; Hector Mata/AFP/Getty Images; Wally Skalij/Los Angeles Times; Silvia Mautner; California State Archives/John Decker; California State Archives/Steven Hellon; California State Archives/Duncan McIntosh; California State Archives/William Foster; California State Archives/Peter Grigsby; California State Archives/Justin Short; © 2004 Rick T. Wilking; Don Emmert/Getty Images; Official White House photo/Pete Souza; AP Images

* * *

Посвящается моей семье

Глава 1
Родом из Австрии

Я родился в год большого голода. Это был 1947-й, когда Австрия была оккупирована союзными войсками, разгромившими гитлеровский Третий рейх. В мае, за два месяца до моего рождения, в Вене прошли голодные бунты, и в Штирии, земле на юго-востоке страны, где мы жили, также ощущалась острая нехватка продовольствия. Даже через много лет, когда мать хотела напомнить мне, на какие жертвы им с отцом пришлось пойти, чтобы меня вырастить, она рассказывала, как ходила по округе, стучась в двери ферм, чтобы попросить немного сливочного масла, сахара и муки. Порой ее по несколько дней не бывало дома. Это называлось *hamstern* – «хомячить»: так собирает зернышки и корешки хомяк. Широко было распространено попрошайничество.

Таль – так называлась наша ничем не примечательная деревушка. Все ее население состояло из нескольких сотен человек, дома и фермы были разбросаны маленькими хуторками, соединенными между собой грунтовыми дорогами и тропами. Главная немощеная улица петляла пару километров, взбегая вверх и опускаясь вниз по склонам невысоких альпийских предгорий, покрытых полями и сосновыми рощами.

Наша деревня находилась в британской зоне оккупации, но английских войск мы почти не видели – лишь изредка проезжал грузовик с солдатами в кузове. Но восточнее начиналась русская зона, и мы очень боялись красных. Началась холодная война, и мы жили в постоянном страхе, ожидая, что вот-вот накатится неудержимый вал русских танков и нас поглотит советская империя. Священники в церквях пугали прихожан жуткими рассказами про то, как русские расстреливают грудных детей прямо на руках их матерей.

Наш дом стоял на пригорке у дороги, и в детстве я редко видел в день больше одной-двух машин, проезжающих мимо. Прямо напротив, всего в сотне ярдов от наших дверей, возвышались развалины замка, возведенного еще в феодальные времена.

На следующем пригорке стояли мэрия, католический костел, куда по воскресеньям водила всех нас на мессу мать, небольшая Gasthaus, или таверна, бывшая своеобразным общественным центром деревни, и начальная школа, куда ходили я и мой брат Мейнхард, на год старше меня.

Самые первые мои детские воспоминания – мать стирает, а отец кидает лопатой уголь. Мне тогда было года три, не больше, но образ отца особенно четко запечатлелся у меня в памяти. Это был крупный мужчина атлетического телосложения, и он многое делал своими руками. Каждую осень мы получали запас угля на зиму, грузовик сваливал кучу перед домом, и в таких случаях отец разрешал нам с Мейнхардом помогать ему переносить уголь в подвал. Мы всегда очень гордились этим.

Мои отец и мать происходили из рабочих семей с севера – занятых в основном в сталелитейной промышленности. Во время хаоса, наступившего после окончания Второй мировой войны, они познакомились в маленьком городке Мюрццухлаг, где мать, Аурелия Ядрни, работала в центре распределения продовольствия при городской ратуше. Ей тогда только исполнилось двадцать лет, ее муж погиб на фронте всего через восемь месяцев после того, как они поженились. Однажды, работая за столом, мать заметила отца, идущего по улице, – он был гораздо старше ее, ему было уже под сорок, но он был статный и красивый, в ладном мундире жандарма, сельского полицейского. Мать была без ума от мужчин в форме, поэтому с того самого дня она стала смотреть на улицу, ожидая снова увидеть отца. Она рассчитывала, когда будет его смена, чтобы сидеть за столом одной. Как-то раз они разговорились через открытое окно. Потом мать стала угощать отца тем, что у нее было из съестного.

Его звали Густав Шварценеггер. Они с матерью поженились в конце 1945 года. Отцу тогда было тридцать восемь лет, а матери – двадцать три. Отец получил назначение в деревню Таль, он был поставлен во главе отряда из четырех человек, которому предстояло поддерживать порядок в деревне и ее окрестностях. Жалованья едва хватало на жизнь, однако работа также дала жилье – в *Foresthaus,* доме лесника. Сам *Forestmeister,* лесник, жил на первом этаже, а *Inspektor* с семьей разместился наверху.

Дом, в котором прошло мое детство, был очень простой, сложенный из кирпича и камня, но в то же время удобный, с толстыми стенами и маленькими окошками, чтобы защититься от холода альпийских зим. У нас было две спальни, которые обогревались печками, топившимися углем, и кухня, где мы ели, делали уроки, мылись и играли. Тепло в этом помещении давала кухонная печь.

Не было ни водопровода, ни душа, ни канализации; вместо туалета мы пользовались ночными горшками. До ближайшего колодца было почти четверть мили, и ходить к нему приходилось даже в проливной дождь и в снегопад. Поэтому мы старались расходовать воду как можно бережнее. Воду нагревали и наливали в корыто; первой мылась мать, в чистой воде, следующим мылся отец, потом Мейнхард, а последним – я. Мы усиленно терлись мочалками, и не важно, что вода была уже не совсем чистой, – никому не хотелось лишний раз ходить к колодцу.

У нас была деревянная мебель, только самое необходимое, и несколько электрических лампочек. Отец любил живопись и антиквариат, однако, пока мы с братом еще были маленькими, это оставалось непозволительной роскошью. Наш дом оживляли кошки и музыка. Мать играла на цитре и пела нам колыбельные, однако настоящим музыкантом был отец. Он играл на всех духовых инструментах: трубе, флюгельхорне, саксофоне, кларнете. Отец также сам сочинял музыку и был дирижером оркестра местной жандармерии, – если где-нибудь в стране умирал сотрудник полиции, оркестр играл на похоронах. Летом по воскресеньям мы частенько отправлялись в парк, где отец дирижировал, а иногда играл сам. Большинство родственников с отцовской стороны также обладали музыкальными способностями, однако нам с Мейнхардом эти таланты не передались.

Не могу точно сказать, почему мы держали не собак, а кошек – быть может, потому, что мать их очень любила, и они нам ничего не стоили, так как сами добывали себе пропитание. Но у нас всегда было много кошек, которые постоянно носились туда и сюда, лежали повсюду, свернувшись клубком, и приносили с чердака полудохлых мышей, показывая, какие они замечательные охотники. У каждого в семье была своя кошка, которая по ночам забиралась к нему в постель, – это была наша традиция. В какой-то момент у нас жило сразу семь мурлык. Мы любили кошек, но не очень ухаживали за ними, потому что не могли себе позволить обращаться к ветеринару. Если какая-то кошка уже не могла ходить из-за болезни или из-за старости, нужно было ожидать выстрел во дворе, из служебного пистолета отца. Мать, Мейнхард и я вырывали могилу и ставили на ней маленький крест.

У матери была любимая черная кошка по кличке Муки. Мать не переставала повторять, что Муки – единственная и неповторимая в своем роде, но мы не могли понять, почему она так говорит. Однажды, когда мне было лет десять, я ругался с матерью, отказываясь делать домашнее задание к школе. Муки находилась поблизости, как обычно, лежала на диване, свернувшись клубком. Наверное, я сказал что-то грубое, потому что мать шагнула ко мне, намереваясь отвесить затрещину. Увидев это, я вскинул руку, желая защититься, но вместо этого случайно ударил мать по лицу. Муки мгновенно спрыгнула с дивана, бросилась между нами и вцепилась мне когтями в лицо. Оторвав ее от себя, я закричал: «Ой! Что это такое?» Мы с мамой переглянулись и расхохотались, несмотря на то что у меня по щеке текла кровь. Наконец мать получила доказательства того, что Муки единственная и неповторимая.

После военного лихолетья родители мечтали о мире и стабильности. Мать была крупной женщиной крепкого телосложения, физически сильная и выносливая, и при этом она была

прирожденная домохозяйка – в доме у нас всегда царила идеальная чистота. Мать закатывала половики, опускалась на четвереньки, брала щетку и мыло и оттирала половые доски, после чего вытирала их насухо тряпками. Она буквально фанатично требовала от нас аккуратно развешивать верхнюю одежду и тщательно складывать постельное белье и полотенца, наглаживая острые, как бритва, складки. За домом мать сажала свеклу, картошку и клубнику, чтобы кормить семью, а осенью заготавливала на зиму соленья и квашеную капусту в больших стеклянных банках. Когда отец в половине первого приходил домой из полицейского участка, у матери уже обязательно был готов для него обед, и точно так же вечером его ждал ужин, когда он возвращался ровно в шесть часов.

Финансами также занималась мать. Поработав в конторе, она была очень собранной; кроме того, писала без ошибок и хорошо считала. Каждый месяц, когда отец приносил домой жалованье, мать оставляла ему пятьсот шиллингов на карманные расходы, а остальное забирала на хозяйство. Она отвечала на все письма и оплачивала счета. Раз в год, в декабре, мать отправлялась с нами по магазинам покупать одежду. Мы доезжали на автобусе до универсального магазина «Кастнер и Олер» в Граце, расположенном сразу за перевалом. Это старое здание было двух- или трехэтажным, но в нашем представлении оно было огромным, как торговый центр «Америка». В нем были эскалаторы и даже лифт из стекла и стали, и мы катались в нем, глазея по сторонам. Мама покупала нам только самое необходимое – рубашки, нижнее белье, носки и тому подобное, и все это доставлялось на следующий день к нам домой в аккуратных бумажных свертках. В ту пору торговля в рассрочку только набирала силу, и матери очень нравилось выплачивать каждый месяц лишь часть общей суммы. Дать простым людям, таким как моя мать, возможность свободно совершать покупки – это явилось хорошим стимулом развития экономики.

Мать также взяла на себя и все вопросы со здоровьем, хотя именно отец был обучен действиям в чрезвычайных ситуациях. Мы с братом переболели всеми мыслимыми детскими болезнями, в том числе свинкой, скарлатиной и корью, поэтому мать набралась большого опыта во врачевании. Ее не могли остановить никакие преграды: однажды зимой, когда мы с братом были еще малышами, Мейнхард подхватил воспаление легких, и рядом не оказалось ни врача, ни «Скорой помощи». В разгар ночи, оставив нас с отцом дома, мать взвалила Мейнхарда на спину и прошла с ним пешком по заснеженной дороге больше двух миль до больницы в Граце.

Отец являлся гораздо более сложной личностью. Он бывал щедрым и ласковым, особенно с матерью. Они страстно любили друг друга. Это чувствовалось по тому, как мать по утрам приносила отцу кофе, а он постоянно преподносил ей разные маленькие подарки, обнимал ее, похлопывал по спине. Свои чувства они делили и с нами: мы с братом частенько забирались к ним в постель, особенно в грозу, когда сверкали молнии и громыхал гром.

Но примерно раз в неделю, обычно в пятницу вечером, отец возвращался домой пьяным. Порой он отсутствовал до двух-трех часов ночи, просиживая в *Gasthaus* вместе с жителями деревни, к которым нередко присоединялись священник, директор школы и мэр. Мы просыпались среди ночи, услышав, как отец в бешенстве разгуливает по дому и кричит на мать. Ярость быстро проходила, и на следующий день отец уже был добрым и ласковым и вел нас обедать в таверну или дарил подарки, искупая свою вину. Однако, если мы с Мейнхардом вели себя плохо, отец отвешивал нам затрещины и порол ремнем.

Нам с братом это казалось совершенно нормальным: все отцы лупили своих детей и возвращались домой пьяными. Один наш сосед надирал своему сыну уши и хлестал розгами, которые мочил в воде, чтобы было больнее. А пьянство было неотъемлемой частью любого застолья. Иногда мужчины приводили с собой в *Gasthaus* своих жен и детей. Мы с братом считали большой честью сидеть за столом вместе со взрослыми, а потом есть десерт. Или нас пускали в соседнюю комнату, угощали кока-колой и сажали играть в настольные игры, листать журналы и смотреть телевизор. Мы оставались в таверне до полуночи, думая: «Ого, это просто здорово!»

Мне потребовалось много лет, чтобы понять, что за внешним Gemtlichkeit[1] в действительности стоят горечь и страх. Мы росли в окружении тех, кто считал себя сборищем неудачников. Их поколение развязало Вторую мировую войну и потерпело в ней поражение. В годы войны отец ушел из жандармерии и поступил в военную полицию в немецкой армии. Он служил в Бельгии, во Франции и в Северной Африке, где подхватил малярию. В 1942 году его едва не схватили в плен под Сталинградом, в самом кровопролитном сражении войны. Дом, в котором он находился, был взорван русской бомбой. Отец три дня пролежал под завалами. У него был поврежден позвоночник, в обеих ногах были осколки. Ему пришлось несколько месяцев лечиться в госпитале в Польше, прежде чем он поправился и смог вернуться в Австрию, где снова поступил в гражданскую полицию. Но кто знает, сколько времени потребовалось, чтобы залечить раны психики, если учесть все, что довелось пережить отцу? Я слышал разговоры о войне, когда мужчины напивались пьяными, поэтому могу себе представить, как болезненно все было. Они потерпели поражение, и еще они боялись того, что однажды придут русские и угонят их к себе, восстанавливать Москву и Ленинград. Они были обозлены, старались скрыть ярость и унижение, однако разочарование слишком глубоко пустило корни в их сердцах. Только подумать: им ведь обещали, что они станут гражданами новой великой империи и каждая семья будет обладать всеми жизненными благами. А вместо этого они вернулись в разоренную страну, где нет денег, не хватает продовольствия, все надо восстанавливать. Страна занята оккупационными войсками, так что они больше не хозяева своей родины. И хуже всего то, что нет никакого способа забыть то, что им пришлось пережить. Ну как залечивать эту немыслимую травму, когда все стараются о ней молчать?

Наследие Третьего рейха официально стиралось. Всем государственным служащим – представителям местной власти, учителям, полицейским – требовалось пройти так называемую «денацификацию». Их долго допрашивали, их личные дела тщательно изучали, проверяя, причастны ли они к военным преступлениям. Все связанное с нацистской эрой изымалось: книги, фильмы, плакаты, даже личные дневники и фотографии. Нужно было отдать все: война начисто стиралась в сознании.

Мы с Мейнхардом лишь смутно это чувствовали. У нас дома была книга с красивыми картинками, которую мы брали, когда играли в священника, притворяясь, что это Библия, потому что размером она была гораздо больше нашей семейной Библии. Один из нас стоял, держа раскрытую книгу, а другой читал мессу. На самом же деле это был альбом, пропагандирующий великие свершения Третьего рейха. Разделы были посвящены различным темам: коммунальные службы, строительство тоннелей и плотин, речи и выступления Гитлера, новые большие корабли, новые памятники, великие сражения войны в Польше. В каждом разделе имелись чистые страницы, и, покупая военные облигации, можно было получить фотографии с номером, которые следовало наклеить на соответствующую страницу. Как только коллекция оказывалась полностью собранной, вручался специальный приз. Мне больше всего нравились страницы с изображением величественных железнодорожных вокзалов и могучих паровозов, окутанных паром, но больше всего я обожал фотографию двух железнодорожников на открытой дрезине, приводимой в действие рычагом, – для меня это было олицетворением приключений и свободы.

Мы с Мейнхардом даже не догадывались, что это за книга. Но однажды, собравшись играть в священника, мы обнаружили, что она исчезла. Мы тщетно искали повсюду. Наконец я спросил у матери, куда исчезла красивая книга: в конце концов, это же была наша Библия! Но мать только ответила: «Нам пришлось ее отдать». Позднее я просил отца: «Расскажи мне о войне», расспрашивал его о том, что он делал, где бывал. Его ответ был неизменным: «Тут не о чем говорить».

---

[1] Добродушием (*нем.*).

Защитой отца от всех жизненных проблем была дисциплина. У нас дома был строгий распорядок, в котором ничего не менялось: мы вставали в шесть, после чего мне или Мейнхарду предстояло сходить за молоком на соседнюю ферму. Когда мы стали постарше и начали заниматься спортом, в перечень обязательных дел добавились физические упражнения, и мы должны были заработать себе завтрак, выполнив определенное количество приседаний. Вечером, после того как мы делали уроки и заканчивали домашние дела, отец шел с нами играть в футбол, какой бы плохой ни была погода. И если у нас что-то не получалось, отец на нас кричал.

Так же твердо он был убежден в необходимости тренировать мозг. По воскресеньям после мессы отец вел всю нашу семью куда-нибудь – в соседнюю деревню, в кино или смотреть, как он выступает со своим оркестром. А вечером мы должны были написать сочинение о том, что случилось за день, не меньше десяти страниц. Отец возвращал тетрадки исчерканными красными чернилами, а если один из нас писал какое-то слово с ошибкой, он заставлял переписывать это слово пятьдесят раз.

Я любил своего отца и хотел быть похожим на него. Помню, как-то раз, когда я был маленьким, я надел его мундир и встал на стуле перед зеркалом. Китель доходил до щиколоток, словно платье, а фуражка сползала на нос. Но отец отмахивался от всех наших проблем. Если мы просили у него велосипед, он отвечал, что мы сами должны на него заработать. Отец не переставал повторять, что нет предела совершенству. Его требования могли искалечить кого угодно, однако на меня дисциплина подействовала положительно. Я превратил ее в свой движитель.

Мы с Мейнхардом были очень близки. Мы спали в одной комнате до тех пор, пока я в возрасте восемнадцати лет не ушел в армию, и ничего другого я даже представить себе не мог. И по сей день мне гораздо уютнее, если перед сном можно с кем-нибудь поболтать.

Как это часто бывает с братьями, мы страшно соперничали во всем – всегда стремились одержать верх друг над другом и завоевать благосклонность отца, который, разумеется, в спорте сам был одержим духом борьбы. Он устраивал нам забег и приговаривал: «А теперь посмотрим, кто из вас действительно лучше». Ростом мы были выше большинства сверстников, но поскольку я был на год младше, как правило, в этих упорных соревнованиях верх одерживал Мейнхард.

Я всегда искал, как бы расквитаться с братом. Слабым местом Мейнхарда была боязнь темноты. Когда ему исполнилось десять лет, он окончил начальную школу в нашей деревне и перешел в среднюю школу, которая находилась в Граце, за перевалом. Добираться туда нужно было на общественном транспорте, а до автобусной остановки от нашего дома было двадцать минут пешком. На беду Мейнхарда, в короткие зимние дни занятия в школе заканчивались уже после захода солнца, и ему приходилось возвращаться домой в сумерках. Брат очень боялся идти один в темноте, поэтому моей задачей было встречать его на остановке.

На самом деле и мне было страшно в девятилетнем возрасте идти одному по темным улицам. Фонарей в Тале не было, и ночью на деревню опускался кромешный мрак. Дороги и тропинки были окружены сосновыми рощами, словно взятыми из сказок братьев Гримм: деревья росли так часто, что даже при свете дня в рощах царил полумрак. Разумеется, мы были воспитаны на этих жутких сказках, которые сам я ни за что не стану читать своим малышам, но они были частью нашей культуры. В них неизменно присутствовали какие-нибудь ведьма, волк или чудовище, готовые погубить беззащитного ребенка. Подпитывало наши страхи и то, что у нас дома был свой полицейский. Иногда, возвращаясь с дежурства, отец рассказывал, что полиция ведет розыск того или иного преступника или убийцы. Мы отправлялись к одинокому сараю с сеном посреди поля, отец оставлял нас ждать, а сам с пистолетом в руке осматривал, что внутри. Или приходило известие, что отец со своими людьми схватил какого-то вора, и тогда мы с братом бежали в участок, чтобы посмотреть на типа в наручниках, сидящего за решеткой.

Задача добраться до автобусной остановки была посложнее, чем просто пройти по дороге. Тропа огибала развалины замка и спускалась вниз вдоль опушки леса. Однажды ночью я шел по этой тропе, пристально всматриваясь в лес в поисках возможной угрозы, и вдруг словно из ниоткуда передо мной возник человек. В лунном свете я различил лишь его силуэт и два блестящих глаза. Застыв на месте, я закричал от страха. Это оказался лишь работник с соседней фермы, шедший навстречу; но если бы это был гоблин, он тогда точно со мной расправился бы.

Я перебарывал страх только потому, что должен был доказать, что сильнее Мейнхарда. Мне было крайне важно продемонстрировать родителям: «Я храбрый, а он трус, хотя он и старше меня на год и четырнадцать дней».

И эта решимость приносила свои плоды. За то, что я ходил встречать Мейнхарда, отец выдавал мне по пять шиллингов в неделю. Мать, воспользовавшись моим бесстрашием, стала каждую неделю посылать меня на рынок за овощами, для чего нужно было пройти через другой темный лес. Эта работа также приносила по пять шиллингов, и я с радостью тратил честно заработанные деньги на мороженое и на коллекцию марок.

Однако обратная сторона заключалась в том, что родители стали больше заботиться о Мейнхарде, уделяя мне все меньше внимания. Во время школьных каникул летом 1956 года они отправили меня работать на ферме у крестной, но брата оставили дома. Мне доставлял удовольствие физический труд, но я почувствовал себя обделенным, когда, вернувшись домой, узнал, что в мое отсутствие родители возили Мейнхарда посмотреть Вену.

Постепенно наши пути разошлись. В то время как я читал в газетах спортивные страницы и запоминал фамилии спортсменов, Мейнхард полюбил журнал «Шпигель», немецкий аналог американского «Тайм», – в нашей семье такое было в диковинку. Брат выучил названия и численность населения столиц всех стран и длины всех значительных рек мира. Он знал наизусть периодическую таблицу Менделеева и химические формулы. Мейнхард стал просто фанатиком различных фактов и постоянно бросал вызов отцу, проверяя, знает ли тот то или иное.

В то же время у брата развилось отвращение к физическому труду. Ему не нравилось пачкать руки. Он повадился каждый день надевать в школу белую рубашку. Мать ему ничего не говорила, но жаловалась мне: «Мало с меня белых рубашек твоего отца, теперь я должна стирать еще и *его* рубашки». Вскоре в семье утвердилось мнение, что Мейнхард станет «белым воротничком», квалифицированным рабочим, может быть, даже инженером, а я буду «синим воротничком», поскольку не имел ничего против того, чтобы пачкать руки. «Ты хочешь стать механиком? – спрашивали меня родители. – Как насчет столяра-краснодеревщика?» А еще они думали, что я стану полицейским, как отец.

У меня же были другие планы. Откуда-то у меня в голове возникла мысль, что мое место в Америке. Ничего определенного. Просто… *Америка*. Не могу точно сказать, что послужило толчком. Быть может, это было лишь стремление бежать от житейских невзгод Таля и железной дисциплины отца, или, возможно, меня захлестнул восторг каждый день ездить в Грац, где осенью 1957 года я следом за Мейнхардом поступил в пятый класс средней школы. По сравнению с Талем Грац был гигантским мегаполисом, с машинами, магазинами и тротуарами. Американцев там не было, но Америка постепенно просачивалась в нашу культуру. Все мальчишки играли в индейцев и ковбоев. Мы видели американские города и села, автострады и природные достопримечательности на картинках в учебниках и на зернистых черно-белых кадрах документальных фильмов, которые крутили у нас в классе на стареньком скрипучем кинопроекторе.

Что важнее, мы понимали: Америка нужна нам для нашей безопасности. В Австрии холодная война чувствовалась повсюду. В случае кризиса отец должен был собрать рюкзак и отправиться на проходящую в пятидесяти пяти милях к востоку венгерскую границу, чтобы организовать отпор. Год назад, в 1956 году, когда советские танки раздавили венгерское вос-

стание, отец принимал участие в размещении сотен беженцев, хлынувших в нашу страну. Он строил для них лагеря и помогал переправиться туда, куда они хотели. Кто-то хотел отправиться в Канаду, кто-то хотел остаться в Австрии, и, разумеется, многие хотели попасть в Америку. Отец со своими людьми работал с беженцами, а мы с братом приходили к нему и помогали раздавать суп, что произвело на меня большое впечатление.

Наше знакомство с окружающим миром продолжалось в кинотеатре рядом с центральной площадью Граца, где непрерывно крутили новостные ролики. Один и тот же часовой сеанс продолжался по кругу весь день. Сначала показывали хронику событий со всего мира с сопровождением на немецком языке, затем – мультфильм про Микки-Мауса, после чего шли слайды с рекламой магазинов Граца. В конце играла музыка, и все начиналось заново. Билеты были недорогими – всего несколько шиллингов,– и каждый сюжет новостей открывал новые чудеса. Элвис Пресли исполняет песню *Hound Dog*. Президент Дуайт Эйзенхауэр произносит речь. Американские машины и кинозвезды. Эти образы я запомнил навсегда. Конечно, было также много нудного, но это прошло сквозь меня, не оставив следа, подобно Суэцкому кризису 1956 года.

Еще большее впечатление производили американские фильмы. Самым первым, который увидели мы с Мейнхардом, был «Тарзан» с Джонни Вайсмюллером в главной роли. Мне казалось, Джонни спрыгнет с экрана прямо к нам. Меня завораживала мысль, что человек может раскачиваться на лианах и прыгать с дерева на дерево, а также говорить со львами и шимпанзе; и еще я затаив дыхание следил за развитием отношений Тарзана и Джейн. Вот была отличная жизнь! Мы с Мейнхардом просмотрели этот фильм несколько раз.

Два кинотеатра, в которые мы обычно ходили, стояли друг напротив друга на самой популярной торговой улице Граца. В основном в них крутили вестерны, но также комедии и драмы. Единственная беда заключалась в том, что все фильмы были разделены на строгие возрастные категории. У входа стоял полицейский, проверяя возраст посетителей. Попасть на фильм с Элвисом, эквивалент нынешнего «от 13 и старше», было довольно просто, но вот все фильмы, которые я хотел посмотреть – вестерны, фильмы про гладиаторов, про войну,– относились к категории вроде нынешней *Restricted*[2], и поэтому попасть на них было гораздо сложнее. Иногда благожелательная кассирша предлагала подождать, затем быстро кивала в сторону прохода, где стоял полицейский. А еще я караулил у выхода и проходил в зрительный зал сзади.

За развлечения я расплачивался деньгами, заработанными благодаря своей первой предпринимательской деятельности: летом 1957 года я торговал мороженым в Талерзее. Талерзее – это парк на берегу одноименного живописного озера, уютно расположившегося между горами к востоку от Таля, примерно в пяти минутах пешком от нашего дома. До озера легко добраться со стороны Граца, и летом тысячи людей приезжают сюда, чтобы отдохнуть, искупаться, поплавать на лодках и поиграть в спортивные игры. К полудню им уже становилось жарко и хотелось пить, и когда я увидел длинную очередь, выстроившуюся к киоску с мороженым, то понял, что передо мной открывается деловая перспектива. Парк достаточно обширный, и от некоторых мест до киоска идти минут десять, так что на обратном пути мороженое успеет растаять. Выяснив, что можно покупать мороженое по шиллингу, я закупал десяток порций и обходил озеро, продавая их по три шиллинга. Хозяин киоска только приветствовал расширение бизнеса и даже одолжил мне ящик, в котором рожки дольше оставались холодными. Торгуя мороженым, я зарабатывал за день сто пятьдесят шиллингов, почти шесть долларов; к тому же я приобрел красивый загар, расхаживая по парку в одних шортах.

Однако через какое-то время мои сбережения, заработанные на мороженом, иссякли, а сидеть на мели мне совсем не понравилось. И я нашел решение: попрошайничество. Я сбегал из школы и отправлялся бродить по главной улице Граца, высматривая какое-нибудь симпа-

[2] «Запрещено» *(англ.)* – фильмы, которые запрещено смотреть детям до 16 лет.

тичное лицо. Иногда это бывали мужчина средних лет или студент, но, как правило, я выбирал крестьянку, приехавшую в город по делам. Я подходил к ней и говорил: «Простите, но я потерял все деньги и проездной на автобус, а мне нужно вернуться домой». Случалось, крестьянка прогоняла меня, но гораздо чаще она говорила что-нибудь вроде: *«Du bist so dimm!* Как ты мог совершить подобную глупость?» И тогда я понимал, что дело выгорело, потому что крестьянка вздыхала и спрашивала: «Сколько тебе нужно?»

– Пять шиллингов.

–Ну, хорошо. *Ja.*

Я всегда просил ее записать свой адрес, чтобы я смог вернуть деньги. Обыкновенно крестьянка лишь говорила: «Нет, нет, можешь не присылать деньги. Просто в следующий раз будь более внимателен». Правда, порой бывало, что крестьянка записывала свой адрес. Разумеется, я и не собирался возвращать деньги. В удачные дни я выпрашивал до ста шиллингов – четыре доллара. Этого было достаточно, чтобы покупать игрушки, ходить в кино и вообще жить припеваючи!

Однако в моей схеме была одна дыра. Ребенок школьного возраста, один на улице в будний день, привлекал к себе внимание. В Граце многие знали моего отца. И как-то один знакомый сказал ему: «Сегодня я видел твоего сына на улице, он выпрашивал деньги у какой-то женщины». Это привело к грандиозному скандалу дома, который завершился жестокой поркой, что положило конец моей карьере попрошайки.

Эти первые выезды за пределы Таля распалили мои мечты. Я преисполнился абсолютной уверенности в собственной исключительности, в том, что меня ждут великие свершения. Я решил, что стану лучшим в какой-нибудь области – хотя еще и не знал, в какой именно, – и это сделает меня знаменитым. Америка – самая могущественная страна в мире, поэтому я должен отправиться туда.

Нет ничего необычного в том, что десятилетний ребенок мечтает. Однако мысль отправиться за океан явилась для меня откровением, и я отнесся к ней серьезно. Мне хотелось говорить о ней. Однажды, стоя на автобусной остановке, я сказал девочке, на два года старше меня: «Я собираюсь уехать в Америку», а она лишь смерила меня взглядом и сказала: «Ага, Арнольд, разумеется». Ребята привыкли слушать мои рассказы об Америке и считали, что у меня не все дома, однако это не мешало мне делиться своими планами со всеми: с родителями, с учителями, с соседями.

Средняя школа не ставила задачу вырастить нового мирового лидера. Она лишь готовила детей к взрослой жизни, в которой нужно трудиться. Мальчики и девочки были разведены по разным крыльям здания. Школьники получали основы знаний по математике, естественным наукам, географии, истории, религии, литературе, искусству, музыке и другим дисциплинам, однако все эти предметы преподавались в меньших объемах, чем в академической школе, готовившей подростков к поступлению в университет или технический институт. Выпускники средней школы, как правило, шли учиться в профессиональные училища или сразу же начинали работать. Тем не менее учителя были очень добросовестными и стремились обогатить нас знаниями. Они показывали нам на уроках фильмы, приглашали в школу оперных певцов, открывали для нас литературу и искусство.

Окружающий мир был мне так интересен, что учеба давалась без особого труда. Я отвечал на уроках, выполнял домашние задания и по успеваемости был средним в классе. Чтение и письмо требовали от меня собранности: с ними у меня было больше проблем, чем у большинства моих одноклассников. С другой стороны, математика шла легко: я никогда не путал цифры и легко считал в уме.

Дисциплина в школе мало отличалась от того, к чему я привык дома. Учителя лупили нас не хуже родителей. Один мальчик попался на том, что украл у одноклассника ручку; так школьный священник ударил его катехизисом с такой силой, что у бедняги несколько часов

стоял звон в ушах. Учитель математики отвесил моему другу такой увесистый подзатыльник, что тот ударился лицом о парту и выбил два передних зуба. Общение учителей и родителей было прямой противоположностью тому, что мы имеем сейчас, когда школа и родители прилагают все усилия, чтобы не травмировать чувства ребенка. А нас, весь класс, все тридцать человек усаживали за парты, и учитель говорил: «Вот вам задание. Даю два часа на его выполнение, а я тем временем буду встречаться с вашими родителями». Родители по одному заходили в класс – крестьянка, рабочий… И каждый раз повторялась одна и та же сцена. Родители с большим уважением здоровались с учителем и подсаживались к нему, а тот показывал им работы их ребенка и вполголоса обсуждал его успехи в учебе. Можно было услышать, как отец строго спрашивает: «Так он иногда безобразничает?» Затем он оборачивался, бросал на сына строгий взгляд, вставал, подходил к нему и отвешивал затрещину, после чего возвращался за стол учителя. Все это происходило у нас на глазах, а учитель ехидно ухмылялся.

Потом я слышал, как по лестнице поднимается мой отец. Я всегда узнавал его шаги, тяжелую поступь полицейских ботинок. Отец появлялся в дверях, одетый в форму, и теперь уже учитель вставал, выказывая свое уважение, потому что мой отец был полицейский инспектор. Они садились и начинали разговаривать, и наступал мой черед: отец оборачивался, сверкал глазами, затем подходил, хватал левой рукой за волосы и «бум!» правой. После чего уходил, не сказав ни слова.

Время было тяжелое. Везде были трудности. Так, например, зубные врачи не использовали заморозку. Но тот, кто вырос в такой суровой обстановке, учится на всю жизнь терпеть физическую боль, и этот навык не проходит и тогда, когда трудности давно остались позади.

Когда Мейнхарду было лет четырнадцать и что-то дома его не устраивало, он повадился убегать прочь. Он говорил мне: «Думаю, я опять уйду. Но ты ничего не говори». После чего он собирал одежду в портфель, чтобы никто ничего не заподозрил, и исчезал.

Мать сходила с ума от беспокойства. Отец обзванивал своих приятелей в соседних участках жандармерии, выясняя, не объявился ли его сын. Брат выбрал очень эффективный способ протеста, если учесть то, что его отец был полицейским начальником.

Через день-два Мейнхард объявлялся, как правило, дома у одного из родственников, а может быть, он прятался у своего друга, до которого рукой подать. Меня всегда поражало то, что для него не было никаких последствий. Возможно, отец просто давал ситуации разрядиться. За свою работу в полиции ему не раз приходилось иметь дело с детьми, сбежавшими из дома, и он понимал, что, наказав Мейнхарда, только усугубит проблему. Однако, готов поспорить, отцу приходилось собирать всю свою выдержку.

Я же мечтал покинуть дом законным путем. Поскольку я еще был несовершеннолетним, я решил, что лучший путь к независимости – не лезть в чужие дела и самому зарабатывать деньги. Я брался за любую работу. Я нисколько не стеснялся взять лопату и копать землю. Как-то летом во время каникул один парень из нашей деревни устроил меня на стекольный завод в Граце, где работал он сам. Моя работа заключалась в том, чтобы насыпать лопатой битое стекло в тележку, везти в цех и высыпать в чан для переплавки. В конце каждого дня мне платили наличными.

На следующее лето я услышал, что есть работа на лесопилке в Граце. Я взял портфель и положил в него маленький бутерброд с маслом, чтобы продержаться до вечера. Затем доехал на автобусе до лесопилки, собрался с духом, вошел внутрь и спросил хозяина.

Меня провели в контору, и там был хозяин, сидел за столом.

– Что тебе нужно? – спросил он.

– Я ищу работу.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– Какую ты хочешь работу? Ты ведь еще ничего не умеешь!

И все же хозяин взял меня, приставив к рабочим, обслуживающим машину, которая измельчала отходы древесины в опилки.

– Ты будешь работать здесь, – сказал он.

Я сразу же взялся за работу и проработал на лесопилке до конца каникул. Моей задачей было пересыпать лопатой огромную гору опилок в грузовики, которые их увозили. Я заработал за лето 1400 шиллингов, примерно 55 долларов. По тем временам это была большая сумма. Больше всего я гордился тем, что, несмотря на мой возраст, мне платили как взрослому.

У меня не было никаких сомнений относительно того, как распорядиться деньгами. Всю свою жизнь я носил обноски, оставшиеся от Мейнхарда. У меня никогда не было собственных новых вещей. Я только что начал заниматься спортом – меня приняли в школьную футбольную команду, – и как раз в этом году в моду вошли первые спортивные костюмы: черные длинные штаны и черные куртки на «молнии». Мне они ужасно нравились, и я даже пытался показать родителям фотографии из журналов. Но родители отвечали, что это лишь пустая трата денег. Поэтому первым делом я купил спортивный костюм. Затем на оставшиеся деньги купил велосипед. На новый у меня не хватило, но в Тале был один мастер, собиравший велосипеды из деталей старых, и такой велосипед я смог себе позволить. У нас дома велосипеда больше не было ни у кого: отец после войны променял свой на продукты и так и не купил новый. И хотя мой велосипед был далеко не в идеальном состоянии, даже эти два колеса означали свободу.

Глава 2
Построение тела

Из последнего класса средней школы мне больше всего запомнились учения гражданской обороны. В случае начала ядерной войны должны были включиться сирены. Мы закрывали учебники и забирались под парты, пряча головы между коленями и зажмуриваясь. Даже ребенок понимал, как нелепо это выглядит.

В июне 1961 года все мы прильнули к экранам телевизоров, следя за Венской встречей на высшем уровне нового президента Соединенных Штатов Джона Кеннеди с советским премьером Никитой Хрущевым. Телевизоров в домах почти ни у кого не было, но мы знали магазин электротоваров на Лендплатц в Граце, где на витрине были выставлены два телевизора. Мы бегали к нему и стояли на тротуаре, смотря репортажи со встречи. К тому времени Кеннеди пробыл на президентском посту меньше полугода, и многие эксперты считали, что он совершил большую ошибку, сразу же договорившись о встрече с Хрущевым, прямым, резким и хитрым политиком. Мы, подростки, в этом не разбирались, а поскольку телевизоры стояли внутри магазина, мы все равно не слышали звук. Но мы смотрели! Мы чувствовали себя соучастниками происходящего.

Наше положение было страшным. Каждый раз, когда Россия и Америка о чем-то спорили, нам казалось, что мы обречены. Мы боялись, что Хрущев сделает с Австрией что-то ужасное, поскольку мы находились прямо посредине; вот почему встреча проходила как раз в Вене. Она была бурной. В какой-то момент Хрущев, выдвинув одно жесткое требование, добавил: «Теперь Америке решать, что будет – война или мир», а Кеннеди зловеще ответил: «В таком случае, господин председатель, будет война. Это будет долгая холодная зима». Когда осенью того же года Хрущев воздвиг Берлинскую стену, взрослые говорили друг другу: «А вот и оно». В Австрии только жандармерию и можно было считать вооруженными силами. Отцу выдали военную форму и снаряжение и отправили на границу. Он отсутствовал неделю, до тех пор пока кризис не разрешился.

А мы тем временем жили в напряжении. У нас в школе постоянно устраивали учения. Наш класс из тридцати мальчишек-подростков буквально бурлил тестостероном, однако войны не хотел никто. Нас больше интересовали девчонки. Они представляли для нас тайну, особенно для таких парней, как я, у кого не было сестер. Мы встречались с ними только на школьном дворе перед началом занятий, потому что девочки учились в отдельном крыле здания. Это были те самые девчата, с которыми мы росли всю жизнь, но внезапно они стали казаться нам пришельцами с другой планеты. Как с ними разговаривать? Мы как раз достигли той стадии, когда мальчишки начинают чувствовать половое влечение, однако проявлялось это по-странному – например, как-то утром мы устроили засаду в школьном дворе и забросали девочек снежками.

В тот день первым уроком у нас была математика. Учитель, вместо того чтобы раскрыть учебник, сказал: «Ребята, я видел вас во дворе. Давайте лучше поговорим об этом».

Мы испугались, что сейчас нам влетит, – это был тот самый учитель, который выбил моему приятелю зубы. Однако в этот день учитель был настроен миролюбиво. «Вы хотите понравиться этим девчонкам, да?» Мы неуверенно закивали. «Для вас это совершенно естественно, потому что нас влечет к противоположному полу. Затем вам захочется их поцеловать, потискать, заняться с ними любовью. Не этого ли хотят все сидящие в классе?»

Мы закивали, уже увереннее. «Так что не пытайтесь убедить меня в том, что разумно бросать снежок девочке в лицо! Это так вы показываете свою любовь? Как вам такое взбрело в голову?»

Теперь учитель полностью завладел нашим вниманием. «И я вспоминаю, каким был мой первый шаг в отношении девочек, – продолжал он. – Я говорил им ласковые слова, целовал их, обнимал, делал им приятное – вот что я делал».

У многих из нас отцы никогда не говорили о таких вещах. Мы вдруг поняли, что, если хочешь завоевать девочку, нужно сначала постараться завязать с ней разговор, а не просто пускать слюнки, словно похотливый кобель. Нужно установить с ней хорошие отношения. Я был одним из тех, кто кидался снежками. И эти наставления запали мне в душу.

В самую последнюю неделю школьных занятий мне вдруг явилось откровение относительно моего будущего. Подумать только, это произошло во время урока истории, когда мы писали сочинение. Учитель любил выбирать из класса четверых-пятерых учеников и раздавать им газеты, чтобы они писали небольшое сочинение о заинтересовавших их статьях или фотографиях. Так получилось, что на этот раз был выбран я, и учитель протянул мне спортивную страничку. На ней была фотография «Мистера Австрия», Курта Марнула, установившего новый рекорд в жиме на скамье лежа: 190 килограммов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.